

КЛЯТВУ
ВЕРНОСТИ
СДЕРЖАЛИ



«Клятву верности сдержали»: 1812 год в русской литературе //Московский рабочий, Москва, 1987
FB2: Isais <isais2005@yandex.ru >, 28 September 2012, version 1.0
UUID: 2AADD792-1B9F-48F4-9475-5243D147818C
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Андрей Ефимович Зарин

Прасковья-кружевница

Про одну из участниц Отечественной войны 1812 г.

**Андрей Ефимович Зарин
Прасковья-кружевница**

Едва пронеслась весть, что французы заняли Витебск 15 июля 1812 года и наша армия двинулась через Поречье на Смоленск, как вся Смоленская губерния заволновалась.

Все ясно понимали, что скоро на мирных полях этой губернии раздадутся пушечные выстрелы и польется кровь.

Помещики спешили оставить свои наследственные усадьбы и искали убежища для своих семейств или в других своих имениях, или у родственников в южных и приволжских губерниях.

Началось общее бегство.

В дворне одного из помещиков среди девушек-мастериц была кружевница, молодая и красивая, Прасковья, взятая из маленькой деревни Соколово, Духовщинского уезда.

Собрала она свои пожитки в мешок, взвалила его на спину и вернулась из барской усадьбы в деревню.

Прошло немного времени...

Явился в деревню Соколово французский отряд, который отнял у мужиков все сено и хлеб. После этого не проходило недели, чтоб в

деревню не заходило несколько неприятельских солдат, которые отнимали у крестьян все, что приглянется.

Однажды все ушли из дому, Прасковья находилась во дворе. Вдруг подле нее очутились два рослых неприятельских солдата. Глаза их горели недобрым огнем, лица улыбались. Враги поставили к стене свои ружья и направились к Прасковье, вытянув руки и быстро говоря что-то на своем языке.

— Бон, бон, — слышалось Прасковье.

Девушка в страхе отскочила в сторону. Французы громко засмеялись и снова пошли к ней. Она стала отступать и оперлась на колоду, с ужасом смотря на врагов, как вдруг почувствовала под своей рукой топор. В это время один из солдат бросился на нее. Девушка схватила воткнутый в колоду топор, взмахнула, и француз упал с разбитой головой к ее ногам. Другой торопливо побежал к своему ружью, но Прасковья одним прыжком очутилась за ним и обрушила свой удар на его голову.

Девушка с ужасом оглянулась. На дворе в лужах крови лежали два трупа. Она открыла

ледник, стащила их туда, а ружья спрятала за дрова. Когда отец с матерью и братом вернулись домой, она рассказала, что с ней случилось.

Мать всплеснула руками и заплакала:

— Дочка моя милая, это Господь послал тебе силу. Не дал поглумиться нехристям!

Прасковья стояла потупившись. Вечером, как только смерилось, отец закопал трупы на огороде; он боялся, чтобы французы, которые каждую минуту могли явиться, не стали мстить за убитых товарищей.

Ростом высокая, с открытым ясным лицом, с тяжелыми косами за плечами, Прасковья была настоящей русской красавицей. Все любовались ею.

Пошла раз Прасковья за ворота, и вдруг, словно из-под земли, выросли перед нею три неприятеля: один офицер и два солдата.

Офицер с криком бросился на девушку. Она отскочила и ухватила вилы. Офицер рванулся вперед и упал, пробитый вилами. Прасковья быстро освободила их и, готовясь к обороне, стала кричать громким криком.

Немало на деревне парией ухаживало за Прасковьей. Многие из них готовы были жизнь свою положить за нее, и едва услышали они ее крики, как толпою побежали на помощь. Через минуту оба солдата-разбойника лежали рядом, с разбитыми головами.

Прасковья стояла с окровавленными вилами, парни окружили ее, на улице в пыли валялись трупы убитых.

Собралась вся деревня.

Пожилые и старики качали головами и тревожно говорили:

— Ой, парни, парни, и беды вы наделали! Гляди, охвицера ухлопала, что теперь будет? беспременно за него всю деревню спалят!

Все потупились и молчали.

В это время Прасковья словно очнулась. Она вошла в круг, с растрепавшимися косами, с окровавленными вилами в руках, и заговорила звонким голосом:

— Боитесь, старички? Что же нам, по-вашему, делать надо было? Ась? Они, нехристи, Русь полонили, в храмах скверности делают, грабят достатки наши, жгут и режут, а нам смотреть покорливо? Так, что ли? — и голос

ее зазвенел в воздухе.

Теперь старики потупились, а парни глядели на девушку с восторгом. Она оглянулась. Грудь ее высоко вздымалась, глаза сверкали. Отец не узнавал своей дочери.

— А я вот что решила, — громко сказала она, — будя мне терпеть от этих разбойников! Возьму я топор и стану бить их. Сонного устерегу — убью; одного на дороге встречу — убью, а коли двух, так спрячусь. Помогу царю своему: хоть десяток поганцев прикончу. Вот мое слово. Простите, мир честной, и ты, бабушка!

Она опустилась на колени и поклонилась всем земно.

— Что ты, очумела? — крикнул на нее отец.

— Куда ты? С чего? Мы это так только! — зашумел сход, но Прасковья встала с земли и твердо повторила:

— Клятву матери божьей Заступнице в том дала. Не держите меня.

— И я с тобой, Прасковья! — крикнул молодой кузнец, сжимая кулаки и становясь с ней рядом.

— И я! и я! — закричали молодые парни.

— Вот и войско у меня! — улыбнувшись, сказала Прасковья.

Это было страшное войско: 20 сильных, молодых парней, вооруженных топорами, косами и вилами, и во главе их красавица Прасковья. Они сначала стерегли французов у дороги и нападали на них, когда видели не более десяти-двенадцати человек, но скоро косы и топоры сменились у них ружьями и саблями.

Сама Прасковья показывала пример храбрости, и они, смелея день ото дня, стали уже нападать на вооруженные отряды, и один раз отбили у французов обоз.

Слух о Прасковье и ее помощниках пошел по всему уезду, и из соседних деревень стали приходить к ней парни. Она принимала на выбор, и вскоре у нее образовался отряд из 60 отборных молодцов, с которыми Прасковья доходила почти до самого Смоленска.

— Прасковья! — с изумлением и страхом говорил французский генерал, посаженный в Смоленске губернатором, — девица, мужичка, и такой разбойник! Надо ее схватить и повесить!

— Ее, ваше превосходительство, не поймать. Она скрывается в лесах. С ней очень сильный отряд.

— Это стыдно, — горячился генерал, — солдаты великой армии и мужичка!.. Девочка!.. Взять ее!..

Но поймать Прасковью не могли, хотя за ее голову была назначена большая награда.

Когда Наполеон во время отступления пришел с голодной, замерзшей армией в Смоленск и не нашел в городе никаких запасов, то приказал расстрелять назначенного им интенданта, Вильбланша, но губернатор Жомини объяснил ему, что собрать провиант невозможно было.

— Все дороги были полны засадами. На наши отряды нападали мужики и истребляли нас. Их шайки были опасней для нас русской армии. Одна Прасковья...

— Какая Прасковья? женщина? — изумился Наполеон.

— Девушка, — ответил Жомини и рассказал о вреде, который причиняла французам Прасковья с ее молодцами.

— Что за страна? — воскликнул Наполеон.

он. — Жгут свои лучшие города, сражаются женщины и дети!..

И он отменил казнь интенданта.

Когда окончилась война и все мало-помалу начинало входить в обычный порядок, в свое имение возвратился и помещик.

Усадьба отстроилась, и Прасковья, как искусная кружевница, была снова вызвана из деревни. Она вернулась к своим коклюшкам, и никто бы не узнал в красивой, стройной девушке недавнюю предводительницу отряда, одно имя которой приводило в трепет храбрых солдат «великой армии».

Не знал про это и сам помещик до той поры, пока через губернатора из Петербурга не была прислана Прасковье серебряная медаль в память Отечественной войны.[1]

С той поры Прасковья стала гордостью помещика. Он освободил ее от всякой работы и обеспечил ее жизнь. Спустя два года она вышла замуж за того кузнеца, который первым присоединился к ней.

Примечания

Медаль «В память Отечественной войны 1812 года» была учреждена 22 декабря 1813 г. Она носилась на Андреевской (голубой) ленте.

[^^^]